

Александр
БАЛТИН

оттенками: оттенков у Бунина столько, что радуга покажется скупой.

...Библейская, от царя Соломона, текущая соком эротика, гсущающаяся в конкретных образах, с надрывом, трагическая, великолепно-виноградная, пшеницей прорастающая в персонажей...

Трагизм излома присущ многим повествованиям, которые, будучи краткими, кажутся иногда чрезмерными: столько сердце не вместит... «Генрих», «Галья Ганская»...

Очень дворянская литература – лишённая слеси, но наполненная достоинством: пробы червонного золота.

Метафизического, конечно, хотя золотой цвет часто присутствует у Бунина, различно переливаясь, переключаясь с небесной бездной – которая тоже – не столько синяя, сколько золотая.

Кратко заканчивающий «Кавказ», пышные финальные фразы, бездна отчаяния, предшествующая самоубийству.

Восточные мотивы необыкновенно яркие, и хотя больше об Иудее, думается, что Бунину был близок мир суфиев – тайна знания, погружающего всё глубже и глубже: к самому ядру жизни.

Бунин познавал его через детальные, настоящие ни на кого не похожие описания мира, через эротику, смерть, которая не может отменить счастья, испытанного на земле.

...И словно в её запредельность и уводят «Тёмные аллеи», сияя ярко, широко, горячо...

***
Пранный аромат бунинских стихов!
Оттенки мёда, пронизанного светом: роскошного мёда, только что изъятю из сот, чуть отливающего зеленью; луга, полные разнообразным цветением; но и – ароматы сухих трав, пучками подвешенных в магическом салоне: и сам-то Бунин маг, жрец слова, могущественный мистаго!

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно –
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.
В бездонном небе легким белым краем
Встает, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знаящим дано.
Сад, облако...

Великолепные сочетания, отливающие перламутром простого счастья – которого и был певцом Иван Бунин.

Даже грустью продиктованные, одиночеством пропеты стихи подразумевали подобную подоплёку:

Затоплю я камин, буду пить.
Хорошо бы собаку купить!
Моп, ничего не остаётся, и даже покупка верной, пушистой под вопросом, но и здесь всё всплывает такими огнями, когда и одиночество доставляет удовольствие.

К 150-летию Ивана Бунина

Грусть всегда с нами: она сплосится сложно за каждой мыслью, за любым оттенком чувства...

А Бунин чувствовал реальность, как своеобразный сейсмограф, улавливая малейшие её цветовые, смысловые колебания.

И природа его – одушевлённая, так пышно развернувшая свои вековые письмена: о! они всюду – не замечали, сколько кора дерева похожа на надписи на праязыке?

Бунину более подходит осень, ибо элегичность её точнее соответствует густоте бунинских строк:

Осень. Чащи леса.
Мох сухих болот.
Озеро белесо.
Бледен небосвод.
Отцвели кувшинки,
И шафран отцвел.
Выбиты тропинки,
Лес и пуст, и гол.
Но сила пустого и голого леса велика, как пророчество.

Велики и стихи Бунина – даже небольшие по объёму: велики насыщенностью своей, особой речевой интонацией, густотой слов.

И солнце духа мерцает над ними, заполняя счастьем всё пространство – всё, без остатка.

***
Алмазная грань – знак мастерства – блещет во всех стихах Бунина.
Или почти во всех.
Как сплавляються грусть и нежность, одиночество, и игра огня...

Одиночество – капсула, из которой рождаются стихи, и что им неизвестно, коллективное действо: им, живущим и вибрирующим в пространстве, пересекающимся с нашим, но отличным от нашего...

...Есть пространство идей, мерцающих нежным хрусталём, и простор стихов, где золотая пена заката льётся тайною мироздания.

В вечерний час, над степью мирной,
Когда закат над ней сиял,
Среди небес, степей эфирной,
Вечерний ангел пролетал.
Он видел сумрак предзакатный, –
Уже синел вдали восток, –
И вдруг услышал он невинный
Во ржах ребенка голосок.

Ангел столь же естественен в стихах, сколь невозможен в будничности, повседневно, где заурядность зашкаливает, томит – сознание поэта.

Бунин-пейзажист будто пишет не словами: сразу встают картины, точно изъятые из чудес природы, из её грандиозного каталога; и всё здесь отливается поэзией: элегическая ли византийская осень, широкошумная зима, густота летнего настоя, весенние надежды; всё знает и чувствует Бунин: до последнего листка, до крошечной травинки.

О! он слышал звёзды и воды – перезоны последних, их течение, игру ряби на поверхности... У него это будто сумма, обеспечивающая функционирование жизни; Бунин! сама фамилия его звучит медово, и пахнет терпкими травами, и богатство, которым он дополнил поэзию, сложно исчислить в знакомых нам единицах.

***
Тихон и Кузьма...
Конец девятнадцатого века – впрочем, начало двадцатого было похоже: ничто не предвещало

тотального раскардаша; а уж из деревни тем паче невозможно было увидеть грозящего, огневого, заревого...

Ребята, растущие в деревенке под названием Дурновка; когда подрастают, дороги их, как ни странно, расходятся.

Наёмный рабочий – Кузьма; Тихону же удаётся идти более богатой тропой: умение, живущее в недрах сердца, проявляется вдруг – и вот пожалуйте: открывает маленький кабачок, снимает постояный двор...

Скучно ли ткётся повествование?

Мережковский, чьё сознание горело символами и знаками, столь далёкими от реальности, говорил, что использует деревню Бунина вместо снотворного.

Частное мнение, какое не стоит слишком принимать всерьёз, но и обрывать со счетов тоже едва ли...

Бунинская проза строится на предельном сгущении: мало кому так удавалось; и хоть колорит деревни преимущество сер и чёрен, Бунин и тут находит многоцветье: когда не внешнее, тогда внутреннее: в душах героев.

Состоятельный хозяин Тихон, наладивший своё дело, покупает усадьбу; усадебная жизнь особенно волновала Бунина: точно предчувствовал скорый её финал, постепенное отпадение её в недра истории.

Не было детей, жена рожала только мёртвых: обратная сторона обеспеченности что ли?

...Счастья не обретают герои: даже примирившись, даже при условии помощи; счастья нет – и оно рядом: вот цветёт всеми возможными цветами...

И «Деревня» цветёт – в наши дни, не склонные к острому восприятию литературы, будет восприниматься, как столетие назад: ярко, сочно, правдиво, точно, великолепно...

***
Всё вокруг мелькает – деревья, люди на конях, и еле-еле видна дорожка впереди; всё вокруг срывается антоновскими яблоками смысла: тутими, литыми...

Собаки гавкают, всё мчитса, нет никакой остановки; можно ввалиться к соседу помещику, остаться у него на несколько дней.

«Антоновский яблоки» дают терпкие панорамы жизни, утраченной давно; жизни – такой важной для Бунина, столь наполнявшей его в юношеские годы...

Какие запахи были в доме у тётки Анны!

(Пруст с виртуозно-танцующимися на страниц фразами, Пруст в русских переводах, исполненных великолепно Николаем Любимовым, вспоминается... и хорошо, и плохо: избыточность Бунина собирается на меньшем объёме текста, сообщающая читающему (разумеется, шкала невозможна, просто ощущения) больше...)...

Шурин вспоминается, его рассказы об охоте...

Золотые антоновские яблоки, чьё благоухание отдаёт космосом, всегда таинственным и донелья маниями, всплывают на страницах мистических шарами подлинной сути жизни.

***
Избыточность цвета у Бунина: словно цвет созидает формы мира, являясь основным строительным материалом Творца; словно лучи раз-

нообразных оттенков пронизывают всё, включая души людские.

Более строгая гамма у Куприна, хотя тоже переливается мир, особенно в библейском своём аспекте, играют красками – и виноградник, и счастье царя Соломона, что завершится вот-вот, и будет сидеть царь, обдумывая осмысленность яви.

Мир материален: не через внешнее к внутреннему идёт движение мыслей писателя, и Бунин, и Куприн достаточно расскажут о разнообразном, людском, наполнят длинные галереи человеческими типажками, и... кого тут только не будет.

Офицеры, священники, циркачи, нищие, странники, богатые, бедные, мужики, пьяницы, атлеты... Будут и животные: и белый пудель снова вызовет слезёную реакцию, хоть у кого-то, а Чанг заставит сострадать – и ему, и капитану...

Узлы, требующие выбора как необходимости развязать их, будут закручиваться сложно; но даже самоубийцы не порицание вызывают – жалость.

Сила обстоятельств одолевает человеческие желания и возможности: часто, рассчитывая на одно, оказываемся ввергнутыми в последовательность движения дней, заставляющих довольствоваться совершенно другим.

Сила обстоятельств не способна победить силу слова: в случае с великими мастерами, родившимися в один год, и ныне наблюдающими из запредельности творческих высот, как проводятся их юбилеи...

***
Столбовой дворянин мог только и увидеть – взрывающую муть, разрывающую пространство, уничтожающую жизнь вообще – и в частности усадебную, столь драгоценную Бунину, творческую «Окаянные дни».

Особый был аромат усадебной жизни: неспешный, достойный, пронизанный сословностью...

Он был – и он исчез.

Всё исчезло.

Россия провалилась в проран: такой вывод из «Окаянных дней».

Дневник, залитый болью.

Кровотокающий – если не каждой строкой, то каждым абзацем – точно.

Дневники часто представляли большую литературу: и ни злость, ни мрачность тона не отменяют высот бунинского стилистики, его великолепного языка, играющего самоцелью, не тускнеющими от времени.

Мрачность усиливается – к концу книги всё кажется совсем бесприсветно, невозможно, невыносимо.

Выдумывающий реальность

Александр
БОБРОВ

К 75-летию Никиты Михалкова

рассказывать, что всех представителей древних родов преследовали и уничтожали как класс. Выходит, далеко не всех. Это и народный артист СССР Пётр Вельяминов – отпрыск боярского рода мог подтвердить. Мать Никиты – поэтесса, переводчица Наталья Кончаловская (1903-1988), автор стихотворной книги «Наша древняя столица», которой лично с детства зачитывался и благодаря ей сам стал в школе складывать стихи.

В этой древней столице Никита Михалков учился в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории по классу фортепиано, занимался в театральной студии при Драматическом театре имени Станиславского. В 1963 году поступил в Театральное училище имени Щукина; в 1966 году, будучи студентом

свою острую телевизионную программу «БесогонТВ» словами: «Как говорил наш мичман Криворучко: раскодимся по одному, если что – мы геологи».

В кино Михалков начал сниматься в 14 лет. В 1960 году сыграл роль школьника, пародирующего православного священника, в фильме Василия Ордынского «Тучи над Борском», в 1961 году – в фильме Генриха Оганесяна «Приключения Кроша». В 18 лет сыграл главную роль в фильме Георгия Данелия «Я шагаю по Москве» и спел там одноимённую песню, после чего получил широчайшую известность. Вспоминает сам, что брат Андрон Кончаловский подговорил его потребовать повышение гонорара за съёмочный день. Съёмки фильма велась летом 1963 года, после первых пяти дней работы в

дождаться ответа, снова отправить запрос – уже руководству «Мосфильма», проще говоря, прервать съёмки и опоздать к дате проката. Георгий Николаевич пригласил Никиту в кабинет.

– Георгий Николаевич, – сказал Никита, – я играю главную роль. А получаю как актёры, которые играют не главные роли. Это несправедливо.

– Кого ты имеешь в виду?

– К примеру, Леша Локтев, Галя Польских.

– Леша Локтев уже снимался в главной роли, и Галя Польских. Они уже известные актёры. А ты пока еще вообще не актер. Школьник.

Никита оборвал разговор: «Или 25, или я больше не работаю». Георгий Николаевич согласился, он позвал ассистентку и попросил позвонить парню, который пробовался на роль до Никиты, чтобы узнать, какой у него размер обуви. Михалков не понял, зачем это нужно. Данелия объяснил: «Если у вас с ним одинаковый размер ноги, костюмерам не придется покупать новые туфли, но, в целом, это не твое дело, мы же больше не работаем вместе». И тут скупая мужская слеза скатилась по щеке не знавшей бритвы щеке впоследствии известного режиссера:

– Георгий Николаевич, это меня Андрон [Кончаловский] научил!.. Сказал, что раз уже неделю меня снимают, то у вас выхода нет!

Это был урок на всю жизнь: Михалков – весьма состоятельный человек, успешный бизнесмен (виноградники и завод в Италии), но профессия для него, творческие искания, гражданственные порывы, пусть порой ошибочные (кается, что зря поддерживал Бориса Ельцина!) – превыше всего.

В 1974 году 28-летний Михалков снял свой первый фильм «Свой среди чужих, чужой среди своих» – это был оптимистичный успех ответственного боевика, который мало что развил. Десятилетие с 1974 по 1984 год прошло для Михалкова очень плодотворно. Почти ежегодно на экраны страны выходили его фильмы; многие из них получили международное признание, завоевали множество призов на международных и всеоюзных фестивалях. На рубеже 1980-х годов Михалков много и успешно снимался в кино: «Сибиряда» (1979), которую поставил Андрон Кончаловский, «Собака Баскервиль» (1981) Игоря Масленникова, фильмы Эльдара Разанова «Вокзал для двоих» (1982) и «Жестокый романс» (1984). В 1984 году Никите Михалкову даже с за-

позданием было присвоено звание народного артиста РСФСР.

В 1992 году Михалков выпустил авторскую телевизионную программу «Перекрёсток», которая сразу же была запрещена. Снимали с эфир и его недавнюю программу «Бесогон ТВ» за критику главы Сбербанка Греха или американского мультимиллиардера Гейтса – у нас не поймёшь. Ясно, что просчитались: программа в сети набрала миллионы просмотров, вызвала небывалый ажиотаж, многим раскрыла глаза.

В 1998 году Никита Михалков был избран председателем правления Союза кинематографистов России. Много пахал на этом посту, но родной Союз в декабре 2008 года не избрал Михалкова делегатом на свой VII съезд. В ответ Михалков назвал несколько сотен делегатов Съезда кинематографистов России «театром лигулов». Пресненский суд Москвы признал итоги VII съезда СК незаконными. Никита Сергеевич продолжал это хлопотное дело... Снимает он и свою программу «Бесогон», а в дни юбилея – просто воцарился на всех каналах ТВ. В день рождения дал большое и пустоватое интервью в программе Владимира Соловьёва. В каком-то несуровом барском наряде и голубом шарфе снова предлагал почистить Россию («Меня уже прозвали дворником всей Руси»), гордился своей дружбой с президентом и советовал, что указы и благие начинания Путина не выполняются, а то и просто игнорируются («Такая страна – разве за всем уследишь, чего там в Томске»). Но для этого и существует «государева служба» – администрация президента и правительство, утверждаемая президентом. Кадровая политика Владимира Путина – озадачивает, а порой потрясает. Я всю жизнь тружусь и признан профессионалом в трёх сферах – литературе (шире – деградировавшей культуре), профессиональном скукожившемся туризме и травел-журналистике, как ныне выражаются, и в многострадальном образовании. За всё это, обобщённо выражаясь – за внутреннюю политику, в администрации президента отвечает первый заместитель руководителя Сергей Кириенко. Тут недавно тоже давал кокетливое и пустое интервью – неужели прозорливый Михалков ждёт от него благоприятных начинаний и полного контроля за выполнением мудрых распоряжений? Просто наивность художника и дворника всяя Русь! Например, он горячо доказывал Соловьёву, что мы теряем моло-

Страшно.

Не преодолеть.

...Преодолеть ощущение можно, только вспомнив, что это – один из взглядов: есть и другие.

***
Господин из Сан-Франциско, как известно, не достигнет своей цели...

Можно ли здесь увидеть метафизику? Лучевое – через блистательный язык и образы – проведённое утверждение о тщете накоплений? Истопленная работа господина из Сан-Франциско, даже имени которого не осталось, не принесла ему счастья Неаполя, Севильи и прочих роскошных мест мира, создав повод для возникновения поэтического, прозаического, сверкающего всеми красками перла.

Тяжко плывущий через гигантскую водную пустыню огромный корабль, целая плавающая страна развлечений и истопленного, адского, низового труда, обеспечивающего движение.

Финал схож с началом, только в триуме стоит скорбный, страшный ящик.

Аппетит Бунина ко всем деталям мира, и бесчётным его подробностям очень велик: словно страх пропустить хоть что-то заставляет писателя вновь и вновь вглядываться, вслушиваться, вчувствоваться, переводить в слова.

Густая, византийски роскошная ткань повествования; кажется, все слова, существующие в языке, вменены сюда.

И плывёт корабль...
И так сложно добиться желаемого. Особенно, если оно ничтожно.
...Не просите у Царя Небесного земного навоза...

***
В рассказе «Учитель словесности» Юрий Нагбин – сквозь волшебную призму собственного мастерства – показывает детство Бунина: через фрагмент одного так колоритно: что веришь – изображение верно.

Упорный и малоодарённый, постоянно пишущий провинциальный гимназический учитель, приглашающий к себе мальчишку-гимназиста, в котором почувствовал литературные способности, чтобы прочитать ему своей очередной рассказ – с направлением.

Для словесника «музыкальная беллетристика» – мера мер, на которую он ориентируется, для мальчишки – серое, скучное словесное варево, лишённое красоты и изящества: у него уже сформировалось собственное – изрядной высоты – восприятие литературы; и замечания, которые мальчишка делает взрослому, поражают того – надо же так тонко видеть, чувствовать, осязать реальность! Хотя и кажутся бывшему бурсаку, рвущемуся к литературному признанию, чепухой – если, по сути...

Мол, каким оттенком отсвечивает чернозём!

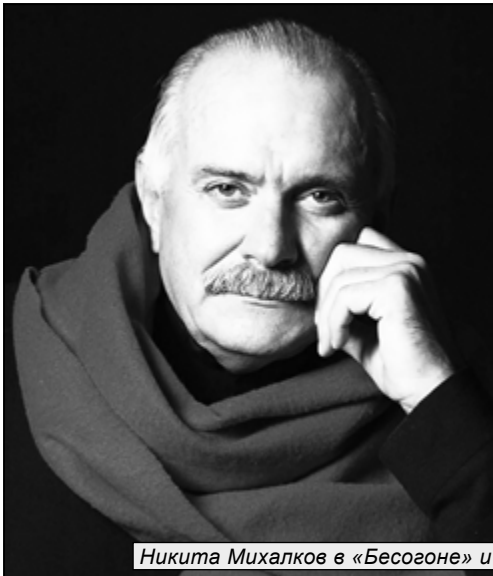
Или какого цвета головка у ласточки...

Есть разница: больше того – в подобной точности и заключена та мера гармонии, которую болеющий за народное горе словесник не может познать...

Мир избыточен, мир многообразен: его необходимо именно так отображать – во всём многообразии: что не исключает, конечно, боли за действительно ужасную долю большинства.

Фамилия ученика – Бунин – появляется только в финале, хотя читатель догадывается, о ком речь сначала...

Сочный рассказ, колоритный, исполненный... отчасти в бунинской манере; интересно, ретроспективно показывающий вызревание одного из самых необычайных литературных даров русской словесности.

Никита Михалков в «Бесогоне» и на Тихоокеанском Флоте

дентом четвёртого курса, принял участие в киносъёмках, за что был исключён (студентам в то время это запрещалось). Перешёл на второй курс режиссёрского факультета ВГИКа. В 1971 году закончил его (мастерская Михаила Ромма). Дипломной работой стал фильм «Спокойный день в конце войны», сценарий которого был написан Михалковым совместно с Рустамом Ибрагимбековым. В возрасте 27-и лет совершил необычайный поступок – добровольно пошёл на военную службу, в 1972-1973 годах проходил её на Камчатке на флоте, на крейсере ТОФ «Михаил Кутузов». По словам сослуживцев, участвовал в художественной самодеятельности, регулярно выступал с концертами, собирая полные залы. До сих пор заканчивает

кабинет Георгия Николаевича заглянула взволнованная ассистентка. Она рассказала, что юный актер Михалков отказывался продолжать сниматься. «Чего же он хочет?» – удивился Георгий Николаевич. Ответ был странным: «Поднять зарплату более чем в три раза, с 8 до 25 рублей в день». Зарплаты актёров были четко установлены Государственным Комитетом по кинематографии СССР, 8 рублей за рабочий день получал новичок, 16 – актер с опытом, 25 – молодая знаменитость, 40 и 50 рублей знаменитости первой величины с богатым опытом. Поэтому просьбу Михалкова можно было удовлетворить только одним способом: написать официальный запрос, в котором обосновать, почему Михалков заслуживает большего,

АНО «Газета русских писателей „ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ“»

Учредитель – Союз писателей России

Свидетельство о регистрации от 12.04.2019

№ 197700005513

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, каб. 109

Тел. редакции: 8 (916) 015-80-69

Наш сайт: denliteraturi.ru

Электронный адрес: denlitera@yandex.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда» (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 4 000

Главный редактор –

Валентина ЕРОФЕЕВА

Шеф-редактор –

Владимир БОНДАРЕНКО

РЕДСОВЕТ:

Александр БОБРОВ

Андрей ТИМОФЕЕВ